

2109057
Вишневецкая Галина

Интервью номера

Галина ВИШНЕВСКАЯ в нынешнем театральном сезоне отмечает свое творческое 60-летие. Выдающаяся судьба началась с записи в трудовой книжке: «Артистка оперетты первой категории в Ленинградском областном театре малой оперы». А потом был Большой театр, куда она в 1952 году была принята по конкурсу. И работала до 1974-го, пока вместе с мужем Мстиславом Ростроповичем не покинула СССР, уже будучи самой яркой фигурой среди касты безусловных оперных примадонн. Сегодня делом ее жизни стал Центр оперного пения на Остоженке, созданный ею три года назад

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

«Помочь можно только сильному»

Мария БАБАЛОВА

— Как вам живется между Москвой, Петербургом и Парижем?

— Как и прежде, Москва главный город моей жизни. Мне здесь интересно, тут у меня Дело. Когда я оказываюсь в Париже, где у меня нет этих ежекрасных, ежеминутных забот, тут же ощущаю какую-то пустоту. То, чего раньше никогда в Париже не испытывала. Но тогда я еще много пела, вела более светскую жизнь, и у меня были другие интересы. Теперь все мои мысли — о Школе, и они меня нигде не оставляют. В Школе каждый день что-нибудь происходит. Я уезжаю в Париж, чтобы проверить хозяйство, с одним только желанием: поскорее вернуться в Москву, где работы непочатый край. Все время занимает Центр. Я даже здесь и живу. Во все времена. Не позволяю никому расслабляться.

— Насколько совпала реальная Школа с той моделью, которую вы придумали?

— В основном совпала. Но, конечно, какие-то детали постоянно приходится корректировать. Так, сегодня мы стараемся не брать начинающих певцов, уже поступивших на работу в театр. Реальность показала, что совмещать работу и учебную практику невозможно.

— В России сегодня много загубленных голосов...

— Да. Нередко к нам поступают уже с приобретенными большими недостатками. И первый год, как правило, уходит на то, чтобы привести голос в порядок. Но виновато не только преподавание в консерваториях. Часто сам ученик не может взять от педагога то, что тот ему дает. Некоторых приходится отчислять. Я всегда честно говорю в таких случаях: «Бросайте это занятие, не калечьте себе жизнь. В мире есть много профессий, и в какой-нибудь вам удастся стать лучшим». Нужно говорить людям правду в лицо. Гениально, хотя и жестко, сказала Марина Цветаева: «Дать можно только богатому и помочь только сильному. Вот опыт всей моей жизни». Невероятную вещь сказала! Жестко, но вот она — жизнь.

— Поговаривают, что Россия обеднела талантами...

— Не думаю. Просто сейчас мы пожинаем плоды былой уравниловки и того, что десятилетиями игнорировали свои таланты, держали их на цепи. И с тех пор как открыли границы, поток хлынул на Запад. Лучшие из русских певцов там прекрасно устроились, получив то, на что не могли бы рассчитывать, останься они дома. Это

естественно. У певца век короток, и он рвется на Запад заработать себе на оставшуюся жизнь. Все наши тылы остались оголенными, поэтому в оперных театрах сегодня так много «серости» и «середняков». А на телевидение из всех щелей полезла шушера с микрофонами в глотках и с фонограммой наперевес. Начинается полный разгул. Какая-то страшная эпидемия убожества и пошлости. А это все сказывается на вкусах народа. Почему, интересно, считается, что реклама пива вредна на телевидении, а попса нет? Все это одинаково губит нацию: пиво — тело, а попса — душу. Надо срочно что-то делать.

— Школа — это ваш вызов государственной системе вокального образования?

— Вызова никакого нет. Просто была пустая ниша, которую я заняла. Такой Школы, какую я придумала, нет ни в одной стране мира. За моими плечами уже 60 лет профессиональной жизни в искусстве. Это выстраданная идея. Школа — квинтэссенция моего опыта и понимания того, что надо делать, чтобы помочь молодым певцам встать на ноги. Ведь выпускники консерваторий приходят в театр слепыми котятками. Они ничего не умеют. Уже хорошо, если им не испортили го-

лос. А в театре никто никого учить не будет. Там каждый занят собой. А этот желторотый сидит за кулисами и ждет, когда его вытолкнут на сцену. Поэтому в театре выживают очень немногие. И стажерские группы обычно себя не оправдывают. А в Большом театре ее и вовсе теперь упразднили, чтобы с молодежью не мучиться.

— Что в Большом театре сегодня не так?

— В Большом сегодня нет личности, которая имела бы право закрыть дверь и не пускать на порог всякую посредственность. Только избранный из огромного количества певцов может быть в Большом. Большой театр должен быть императорским...

— Но где императора-то взять?

— Президент должен распоряжаться делами в Большом театре. Ведь раньше, при царе, и свои труппы были великолепны, и все итальянцы целыми сезонами пели в России. И теперь Мариинский и Большой должны быть в стране на особом положении. Президент должен щедро выделять деньги для содержания театра на высочайшем уровне. Дайте в двадцать раз больше, чем сегодня получают солисты этих театров, и лучшие певцы со всего мира будут в очереди

стоять, чтобы слезть со сцены в Большой или Мариинском. И все русские звезды тогда будут работать дома, а не мотаться по миру с чемоданами, постоянно переезжая из страны в страну. Поверьте мне, это очень быстро надоедает.

— А какой из заморских театров вам больше всего нравился?

— Лондонский Covent Garden. В стране, где есть монархия, оперное дело процветает.

— В вашей дружбе со многими монархическими домами Европы есть что-то особенное?

— Ничего. Просто, когда нас лишили советского гражданства в 1978 году, президенты и монархи десятилетия государств моментально предложили нам гражданство своих стран. Принцесса Монако Грейс Келли была нашей подругой. И она нам предложила паспорта, чтобы мы имели возможность путешествовать по миру и работать. Еще мы дружим с испанским королем Хуаном Карлосом и королевой Софией. Мы с ними знакомы с 1960 года, когда София была еще принцессой. Им самим хочется быть в обществе людей, которые ко всем этим королевским делам не имеют никакого отношения. Просто посидеть за столом, пообедать с бутылкой хорошего вина. Вот и все. Без затей и выкрутасов.

— Какую черту своего характера вы считаете главной?

— Стремление к справедливости. Моя бабушка, которая меня воспитывала, была неграмотная крестьянка — ни читать, ни писать не умела. У нее были две заповеди: не воровать и не врать ни себе, ни окружающим. Это совсем не просто. Но я и своих внуков таким образом воспитываю.

— А возможно не врать, когда театральные закулисы насквозь пропитаны интригами?

— Конечно, театр — место очень специфическое, и актерская дружба чаще всего заканчивается предательством. Мы все были в Большом театре, как скорпионы в банке. Такова была система. Куда я при советской власти уйду из Большого театра? Я что, ненормальная? Я пришла в театр седьмой Татьяной. Но тут же стала первой. А спектакль идет два раза в месяц. Вот и сидит, ждет своего выхода четыре месяца моя «подруга». Естественно, все вокруг тут же зашипели. Оперная труппа свыше сотни человек, и большинство сидит и годами ничего не поет. И что им делать? Только интриговать, сплетничать и душить друг друга. К тому же, в советское время без политики ничего не обходилось. И мы все в этом участвова-

25/26